

Fictio Audaciae: по ту сторону самосохранения Просвещения

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ

Доцент, факультет гуманитарных наук, Мининский университет (НГПУ). Адрес: 603002, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1. E-mail: pph.pop.philosophy@gmail.com.

Ключевые слова: Просвещение; воображение; научная фантастика; анархизм; братья Гордины; утопический импульс.

Статья посвящена отслеживанию работы механизма самосохранения Просвещения в области воображения и поиску способов проблематизации этого механизма. Просвещение блокирует воображение через подчинение его задаче самосохранения, через скрадывание утопического импульса. Это скрадывание обнаруживается как в научной, так и во вненаучной фантастике (Квентин Мейясу). В последней полагается предел самосохранения и самообуздания Просвещения: договор рационального деспотизма знания с освобожденной (от законов) природой. То, что остается вне зоны доступа просвещенного воображения, может быть обозначено как «некантовские миры третьего типа». Доступ к ним оказывается закрыт, так как главным вопросом для просвещенного воображения остается инфернологический вопрос возвращения и рассказа. Этим ограничением предрешается инструментализация «некантовских миров третьего типа», становящихся средством поддержания жизни и знания.

Fictio Audaciae — режим воображения, который не произведен Просвещением, но из которого Просвещение заимствует свой напор,

стремясь с ним совладать. Механизм самосохранения дает, однако, сбой в утопическом анархизме, в котором воображение получает доступ к «некантовским мирам третьего типа», к «террору разрушения», который, согласно Фредерику Джеймисону, характеризуется как раз обходом уловки самосохранения. Природа, понятая как восстание, и разум, отказавшийся от программы самосохранения, сходятся в мире «несоотносительности» братьев Гординых, в котором ключевая роль принадлежит не «магии Просвещения», но технике анархии. Утопия «Страна Анархия» представляет собой не научную или вненаучную фантастику, а технофикшн, в котором законы природы не контингентны, но объявлены никогда не существовавшими. Это несуществование объясняется принципом несоотносительности (природа как совокупность законов не существует, закон и мир несоотносительны). Исходя из принципа несоотносительности и руководствуясь утопическим импульсом (*Fictio Audaciae*), братья Гордины не только постулируют существование «некантовских миров третьего типа», но и дают их утопическое описание.

0. Просвещение между самоубийством и самообузданием

ИДЕОЛОГИЯ Просвещения поддерживается тесной связью между свободой и знанием, которую лаконичнее всего выражает формула Горация, использованная Кантом в «Ответе на вопрос: что такое просвещение?»: *Sapere aude!* («Смей знать!»), где акцент может стоять как на первом глаголе, так и на втором (*смей* знать/*смей* *знать*). Эта связь получила свое нововременное значение благодаря успехам *опытных наук* в XVII–XVIII веках (наука предполагает свободу, независимость и самостоятельность опытного получения знания) и была проблематизирована *революцией*. Наука делает упор на глагол *sapere* (знать) — и способствует нарастанию смелости. Революция акцентирует *aude* (смей) — и выводит смелость за границы знания, в политику, ставя тем самым под вопрос совместимость свободы и знания и «последовательность активации глаголов» формулы Просвещения. Что сначала — свобода или знание? Если свобода помещается перед знанием, то неизбежным следствием становится освобождение *непросвещенных масс*, которые способны свергнуть знание с трона и отправить его на гильотину, что означает конец, самоубийство Просвещения. Чтобы этого не произошло, знание должно сохранить свой трон, ограничить и контролировать свободу, удерживая ее в своих границах. Таким образом, если акцент ставится на свободе, то формула Просвещения становится формулой (возможного) *самоубийства*, что нельзя назвать просвещенным решением, если же на знании, то формула Просвещения становится формулой (необходимого) *самосохранения* — таково просвещенное решение революционной проблемы. Самосохранение Просвещения — условие наступления Просвещенного века. Поэтому итоговая формула Просвещения у Канта звучит так: «Рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь!»¹ Здесь слышится двоякое: с одной стороны, частное использование разума ограничивается

1. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 36.

во имя свободы публичного его использования, что *содействует* Просвещению, с другой стороны, по умолчанию предполагается, что самосохранение Просвещения возможно лишь через повиновение научному знанию (публичному использованию разума). Полная свобода допустима *лишь* для ученого и научной деятельности — и в некотором смысле все так или иначе повинуются необходимости *быть* учеными, все должно *стать* наукой (в том числе революция). Именно поэтому Фуко предлагает понимать решение Канта как «*договор, который можно было бы назвать соглашением рационального деспотизма со свободным разумом*: публичное и свободное употребление автономного разума будет наилучшим *ручательством повиновения* при том условии, что политическое начало, которому следует повиноваться, будет *сообразно всеобщему разуму*»². Как свободный (смеющийся) разум является *гарантом повиновения*, так и *деспотизму* вменяется обязательство *повиноваться* рациональности и соответствовать всеобщему разуму. Договор разума с деспотизмом превращает формулу самосохранения Просвещения в формулу *самообуздания разума*, который отныне должен держать себя в руках и *не сметь* распоясываться.

Отметим еще одно наблюдение Фуко: несколько растерянно, откладывая текст Канта в сторону, он замечает, что «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» не может быть использован для *конкретно-исторического* описания эпохи Просвещения. Что же он описывает? Некоторую установку, задание — *этос* Просвещения. Установку, которая предполагает *стремление к автономии через самообуздание*, стремление к изживанию *беззаконного* использования разума, стремление к *совершеннолетию*³. Просвещение — уже как конкретная историческая эпоха — обеспечивается, таким образом, бюрократическим *алиби*, подобным тому, каким Кант снабжает офицера, получившего приказ; Просвещение — это эпоха выполнения *задания стать просвещенным*, перед лицом которого было бы *по-детски глупо* «умствовать относительно целесообразности или полезности этого приказа»⁴. Кажется, что это алиби не защищает Просвещение от критики, кризисов и переломов, однако *сама критика* оказывается включена в формулу самосохранения Просвещения: она ему *содействует*, если осуществ-

2. Фуко М. Что такое Просвещение? // Он же. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 1 / Пер. с фр. С. Офертаса, под общ. ред. В. Визгина, Б. Скуратова. М.: Праксис, 2002. С. 342. Курсив мой. — Е. К.

3. Там же. С. 342–344.

4. Кант И. Указ. соч. С. 32.

ляется *законно*, то есть *научно* (иными словами, не существует законной критики Просвещения, кроме *самокритики*).

1. Просвещение воображения

Режим самосохранения Просвещения особым образом организует работу воображения, которому также вменяется в обязанность стать научным, дабы содействовать Просвещению. В этом смысл линии, которая в марксизме, — несомненно, ярчайшем образце самообуздания Просвещения — была обозначена как развитие *от утопии к науке*. Характерно, что утопическое воображение описывается в терминах, созвучных кантовскому «Ответу на вопрос: что такое просвещение?»:

Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдумывать из головы. <...> Требовалось изобрести новую, более совершенную систему общественного устройства и навязать ее существующему обществу извне, посредством пропаганды, а по возможности и примерами показательных опытов. Эти новые социальные системы заранее были обречены на то, чтобы оставаться утопиями, и чем больше разрабатывались они в подробностях, тем дальше они должны были уноситься в область чистой фантазии⁵.

Утопия — это незрелая *детская* теория, *несовершеннолетие* социальной и исторической науки, она нуждается в двояком руководстве: со стороны реальности и со стороны познания. Построение теории Энгельс связывает с вызреванием производства и классовых отношений, но сама *закономерность* этого производства и отношений может быть вскрыта лишь научно, что и сделал Маркс, которому мы обязаны не утопией, а

... двумя великими открытиями — материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости... Благодаря этим открытиям социализм стал наукой⁶.

5. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв.: В 3 т. М.: Политиздат, 1979. Т. 3. С. 132. Курсив мой. — Е. К.

6. Там же. С. 147.

Во имя самосохранения Просвещения фантазии, необходимой, конечно, чтобы вообразить Просвещенный век, следует стать наукой. Направленная в будущее, она должна обуздать себя, просвещаться и опираться на материалистическое понимание истории.

Литературным воплощением этого *повиновения* фантазии является жанр научной фантастики: его первые образцы, оптимистичные и избавленные от романтического ужаса перед наукой, появляются едва ли не параллельно с «развитием социализма от утопии к науке». История научной фантастики и марксистское материалистическое понимание истории входят в тесную связь, нередко в лице гибридных фигур фантастов-марксистов (один из лучших примеров — Александр Богданов). Недавний пример этой связи: седьмой номер электронного журнала критической научной фантастики *Big Echo*, вышедший зимой 2018 года, между празднованием 150-летия первого издания «Капитала» и 200-летием Маркса, предложил своим авторам, собеседникам и читателям посмотреть на «Капитал» как на научно-фантастический текст. Результатом стали две части номера, первая из которых, *Not to Predict the Future, but to Change It*, объединила научно-фантастические произведения Тима Мона, Энтона Роуза, Роберта Кейли и других, а вторая, *Sinister Algebra*, включила в себя интервью с Майклом Суэнвиком, Кимом Стенли Робинсоном, Кеном Маклаудом и другими. Мало того что большинство интервьюируемых звезд *hard science fiction*, пусть иногда и с некоторыми оговорками, приняли предложение *Big Echo*, согласившись рассматривать Маркса как представителя своего ремесла, Кен Маклауд даже нашел основания для того, чтобы заявить:

То, что отличает *SF* (*science fiction*) от предыдущих способов мышления о будущем, — это то же, что отличает марксизм от других форм социализма: *SF* исследует возможности будущего, изучая тенденции настоящего, — развитие технологий, научных открытий, социальных тенденций и то, как они взаимодействуют. Чтение научной фантастики — один из наилучших подходов к пониманию материалистической концепции истории Маркса⁷.

Если у собеседников *Big Echo* и возникают сомнения относительно того, можно ли считать Маркса научным фантастом, то главным «изъяном» его произведений объявляется их... *утопичность*. Это образец срабатывания механизма самокритики Просвещения: разоблачение Маркса в качестве утописта (а не научного фанта-

7. Interview With Ken Macleod // *Big Echo*. № 7. Part II: *Sinister Algebra*. URL: <http://www.bigecho.org/ken-macleod>.

ста) — не что иное, как продолжение марксистской же просвещенческой критики утопии. Образец подобной критики можно увидеть в интервью Кима Стенли Робинсона⁸. Немного смутившись от вывода, который заложен во взгляде на Маркса как на научного фантаста («можно в том же смысле перевернуть эту формулировку и сказать, что научная фантастика [как таковая] является марксистской, потому что совершает похожую мыслительную операцию»), он тем не менее подтвердил: «...когда [Маркс] прогнозирует будущее, провозглашая его предопределенность, или призывает к особому будущему, которого можно достичь посредством выбора и действия, он является научным фантастом. Даже научным фантастом-утопистом» (так как будущее, согласно Робинсону, абсолютно не предопределено). Описывая двойное действие научной фантастики, Ким Стенли Робинсон использует образ 3D-очков, в которых одно стекло позволяет видеть *вещи как они есть* (это стекло *зрелой научной теории*), а другое — «детально описать вариант возможного будущего, не предсказывая, а упражняясь в моделировании или построении сценария» (это стекло *просвещенного воображения*). Отметим, что этот образ в точности соответствует как научно-социалистической оптике Энгельса и научно-фантастической оптике Маклауда, так и устройству самообуздания Просвещения в целом. *Смей воображать* здесь значит: «воображайте сколько угодно и что угодно, только повинуйтесь» (знанию законов природы и истории).

Отступим в сторону. Заметим, что в марксизме, традиционным проникнутом недоверием не только к *стихии* воображения, но и к *стихии* восстания, происходит (сначала в теории, а потом на практике) второе после Великой французской революции обуздание *непросвещенных масс*, которые (пере)подчиняются чуткому руководству партии. *Стихия* (восстания и воображения) обуздывается тем, что ей предписывается закон действия. При этом закон объявляется чем-то естественным, то есть произрастающим *из самой природы*, которая, однако, сама всегда под подозрением как *непросвещенная масса*, над которой в итоге нужно одержать победу. Цикл просвещенного «природопользования» состоит из двух фаз: сначала из природы извлекается естественный закон (пусть даже «закон беззакония» как у де Сада), затем, многократно ужесточенный, этот закон возвращается в природу и пе-

8. Interview With Kim Stanley Robinson / Big Echo. № 7. Part II: Sinister Algebra.
URL: <http://www.bigecho.org/kim-stanley-robinson>.

реподчиняет ее⁹. Объявленный естественным, этот цикл очерчивает и определяет саму *природу как самообуздание*: природа держит себя в руках и не распоясывается.

2. Спекулятивное самосохранение Просвещения

Вернемся к научной фантастике, которая воплощает в себе просвещенное (научное) воображение, по умолчанию предполагая установку на самосохранение Просвещения, и держится на образе нераспоясывающейся природы. Именно так описывает научную фантастику Квентин Мейясу в эссе «Метафизика и фантастика вне-научных миров»¹⁰ (2013; в английском переводе 2015 года «Научная и вне-научная фантастика»¹¹). По Мейясу, научной фантастике, с одной стороны, соответствует аксиома, согласно которой в будущем мир (любой будущий мир) можно будет подвергнуть научному познанию; наука трансформируется, но *всегда* будет существовать¹² (самосохранение Просвещения). С другой стороны, научная фантастика исходит из неявной метафизической предпосылки, по которой законы природы будут в неизменном виде существовать *всегда* (природа не распоясывается). Чтобы четче очертить границы мира науки и наметить пути выхода по ту их сторону, Мейясу извлекает изнутри научной фантастики «империю в империи» — режим воображения, который он называет вне-научным (*hors-science*). Вне-научная фантастика (*HSF*) опирается на возможность мыслить, воображать и описывать миры, в которых наука как таковая невозможна; спекулятивная подоплека этого утверждения — контингентность законов природы. От Герберта Уэллса до Кима Стенли Робинсона — в среде научных фантастов принято считать, что именно принудительный в своей необходимости и вечности характер законов природы обеспечивает *SF*-нарративу убедительность и интерес (Робинсон заметил: «Я часто повторяю старую фразу Уэллса: „Где все возможно, ничто не интересно“»¹³).

9. Поэтому образ природы неизбежно раздваивается; это «великий враг — и в то же время полный таинственного очарования друг» (Богданов А. А. Новый мир (1904–1924) // Он же. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 75).

10. Meillassoux Q. *Métaphysique et fiction des mondes hors-science*. P.: Aux forges de Vulcain, 2013.

11. *Idem*. *Science Fiction and Extro-Science Fiction*. Minneapolis: Univocal, 2015. За неимением оригинала мы вынуждены ссылаться на английский перевод эссе Мейясу.

12. *Ibid*. P. 5.

13. Interview With Kim Stanley Robinson.

Мейясу стремится доказать, что вне-научная фантастика, которая исходит из контингентности законов природы, не просто возможна, но может быть захватывающим повествованием.

Важно отличие *HSF* от «героического фэнтези» и парадоксального нонсенса наподобие сочинений Льюиса Кэрролла, где наука не исчезает, а лишь заменяется иной логикой или иным режимом господства над феноменами (в первом случае — магией, во втором — всепроникающим парадоксом). Отличие это состоит в том, что в *HSF* вообще отсутствует связность изменений, а ткань повествования образуется ничем не оправданными разрывами¹⁴. Миры вне-научной фантастики, в которых законы природы могут беспричинно меняться, Мейясу называет «некантовскими», вопреки кенигсбергскому философу, считавшему, что первой жертвой в таких мирах стала бы сама перцепция (то есть эти миры не просто нельзя помыслить; само мышление в них невозможно). Можно говорить о трех типах некантовских миров: 1) мир редких и локализованных в пространстве «беззаконий» (в таком мире наука продолжает существовать); 2) мир, в котором материальные процессы с некоторым постоянством «сходят с рельсов», делая невозможной науку, но не жизнь и сознание (Мейясу метафорически описывает его как ситуацию на дороге, в которой участвуют водители, не признающие правил дорожного движения, — этот мир не аннигилирует сознание, но требует более высокой, причем уже не научной бдительности); 3) мир, в котором изменения законов настолько часты и всеобщы, что в нем отменяются *и* наука, *и* сознание. Первые два некантовских мира можно помыслить и вообразить, третий — нет¹⁵.

Вопрос: выходит ли вне-научная фантастика Мейясу за границы самосохранения Просвещения, как мы их наметили выше?

Ответ: лишь отчасти. Несомненно, утверждая контингентность законов природы («глупость, которую еще никто не отстаивал»¹⁶), Мейясу в значительной мере ослабляет «самообуздание природы», представление о котором характерно для Просвещения. Однако *сам разум* остается у него «нераспоясанным» (а вместе с ним *и воображение*). Если как философ Мейясу никогда не ратует за возвращение к догматической позиции, то как исследователь воображения он, конечно, не призывает воспринимать вне-научную фантастику в качестве возвращения к утопии или мифу. Фантастика, даже в сво-

14. Meillassoux Q. Science Fiction and Extro-Science Fiction. P. 45.

15. Ibid. P. 30–41.

16. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. С. 122.

ей вне-научной форме, дабы не скатываться к утопическому догматизму, должна *подчиниться* требованию «присутствия вопроса о науке, пусть и в негативном режиме»¹⁷. В контексте движения от утопии к науке можно сказать, что концептуальный жест Мейясу — это «гипермарксистский» (едва ли не ленинский) критический жест. Вне-научная фантастика представляет собой в некотором смысле фантастический экстракт марксизма, радикализацию 11-го тезиса о Фейербахе, в котором на первый план выходит контингентная изменчивость. Можно назвать такую позицию «невоздержанным марксизмом» (а то и вовсе невоздержанным Просвещением) по аналогии с характеристикой, данной Жаком Деррида Жоржу Батаю¹⁸. Не будем забывать, что тезис о необходимости контингентности является тем инструментом, который, помимо прочего, предназначен для «дисквалификации иррационального дискурса об абсолюте», для того, чтобы «рационально лишить веру легитимности», для борьбы «против того, что просветители называли фанатизмом», против фидеизма как «второго имени сильного корреляционизма»¹⁹. Здесь тезис о необходимости контингентности — это не только «немного абсолютного», обнаруживаемого в мышлении, но и пункт «соглашения рационального деспотизма со свободным разумом» — минимум, необходимый для неудержимого самосохранения Просвещения, формула которого в редакции Мейясу могла бы выглядеть как *смей знать (и вообразить) вне-научно*, где акцент все так же неумолимо смещается от *aude* к *sapere*. В этой формуле можно прочесть уступку, договор ослабленного, но сохранившегося рационального деспотизма знания со свободной (от законов) природой.

Реза Негарестани в своей *справедливой* критике этической программы «Дилеммы призрака» наметил некоторые следствия этой уступки, которые заставляют Мейясу «сдать спекулятивный фронт его философии». Первым и главным следствием является «приверженность аристотелевскому инструментализму», сущность которого состоит в том, что мертвые рассматриваются как инструмент поддержания жизни. Он отмечает:

17. Имеется в виду, что во вне-научной фантастике наука обязательно должна присутствовать как негативный фон повествования; она есть, но ничего не в силах объяснить. См.: Meillassoux Q. Science Fiction and Extro-Science Fiction. P. 44.

18. Деррида Ж. Невоздержанное гегельянство // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994. С. 133–174.

19. Мейясу К. После конечности. С. 55, 56, 65, 67.

Иначе говоря, справедливость с точки зрения закона жизни есть справедливость по отношению к мертвым, но в конечном счете по отношению к живым. Мертвый в таком смысле — это лайф-вер (*lifeware*) (инструмент жизни)²⁰.

Мы считаем, что тот же упрек можно сформулировать не только в терминах самосохранения жизни, но и в терминах самосохранения Просвещения. В статье «Итерация, реитерация, повторение. Спекулятивный анализ знака, лишённого смысла» Мейясу метафорически распространяет отношение к мертвым на сам эпистемологический принцип материализма:

Можем ли мы обосновать способность математики дать нам изучить Царство мертвых, *чтобы потом вернуться оттуда и рассказать живым* о сделанных во время путешествия открытиях? Я повторяю, что принцип материализма инфернален: он предполагает, что преисподняя неорганического мира, глубокие подземные местности, где нет ни жизни, ни субъективности, могут все же стать объектом человеческого познания. Речь идет о чистом ином нас самих, которое дается нам смертью, а до смерти — материализмом в форме знания о том, чем мы будем, когда нас больше не будет. Такова задача галилеевской науки: не высказывать универсальные свойства всякого существующего, но говорить о том, *на что похожа смерть в нашем мире*²¹.

Схожую схему, правда, без «инфернального» контекста, мы находим и в «После конечности»:

Никому еще не удавалось вернуться из путешествия во «в-себе», чтобы гарантировать нам абсолютность смысла²².

Чтобы «вернуться и рассказать», необходим тот минимум самосохранения живого-разумного, который лежит в основе «инструментальной корреляции». В приведенных строках Мейясу мы находим явное указание не только на использование мертвых ради живых, но и на использование мертвых *ради знания*. Наше подозрение дополнительно укрепляется тем, что Мейясу косвенно со-глашается с наиболее радикальными следствиями кантовского от-

20. Негарестани Р. Инструментальная спектральность и катоптрические прения Мейясу // Сигма. 13.08.2018. URL: https://syg.ma/@eric_s/rieza-niegharestani-instrumentalnaia-spiektralnost-i-katoptrichieskie-prienii-mieiiasu.

21. Мейясу К. Итерация, реитерация, повторение. Спекулятивный анализ знака, лишённого смысла // Транслит. 2017. № 19. С. 78. Курсив мой. — Е. К.

22. Он же. После конечности. С. 47.

вета на «проблему Юма». В «Эссе о необходимости контингентности» это соглашение разворачивается как объяснение «явленной нам стабильности физических законов»²³, а в эссе о вне-научной фантастике — в имплицитном согласии с тем, что некантовский мир третьего типа невозможно помыслить и описать. Иными словами, отсюда *нельзя вернуться (и рассказать живым о нем)*. Именно из той точки, в которой Мейясу соглашается с невозможностью описания некантовского мира третьего типа, он начинает разворачивать доказательство отсутствия необходимости разрушать явленную нам «стабильность физических законов», *инструментализируя саму эту невозможность* на манер аристотелевской живой-разумной души, привязанной к мертвому телу и инструментализирующей его²⁴. По той же, но менее явной схеме, по которой душа использует некроз тела для самосохранения, некантовский мир третьего типа используется миром «явленной нам стабильности физических законов» — с той же целью (в конечном счете Мейясу заинтересован именно в стабилизированной контингентности, в которой возможно знание). Та же схема применима к вне-научному режиму воображения: хоть Мейясу и говорит, что оно должно опираться на «присутствие вопроса о науке», в действительности всё наоборот: вопрос о науке инструментально использует вне-научное воображение, чтобы очертить собственные границы и сохраниться в них. Поэтому определение вне-научной фантастики остается у Мейясу в целом апофатическим, и ему недостает примеров для демонстрации «иного режима воображения», соответствующего HSF: в их поиске он стеснен границами именно научной фантастики, хотя неясно, почему «иной режим воображения» не может проявить себя в мифе, утопии или фэнтези.

Удивительно, но Мейясу, который считает, что спекулятивный материализм может позволить нам *вернуться из Царства мертвых*, убежден в том, что *вернуться из Просвещения* невозможно²⁵.

23. Там же. С. 134 слл.

24. Мы удерживаем то понимание «аристотелевского инструментализма», которое описано Негарестани в «Мертвой невесте», где живая-разумная душа, привязанная к мертвому телу, использует саму эту привязанность для самосохранения; см.: *Негарестани Р. Мертвая невеста* // Сигма. 15.02.2016. URL: <https://syg.ma/@yana-volkova/rieza-nieghariestani-miortvaia-nieviesta>.

25. «Должны [ли мы] снова стать докритическими философами, то есть *вернуться к догматизму*? Вся сложность в том, что такое возвращение представляется нам *невозможным*»; см. также рассуждение, где эпоха до Просвещения объявляется той, «к которой *невозможно и нежелательно возвращаться*» (Мейясу К. После конечности. С. 36, 44. Курсив мой. — Е. К.).

Кажется, мы совершаем еще один круг самосохранения, оставаясь со странным ощущением: куда бы мы ни направлялись, мы *возвращаемся к Просвещению*.

3. Утопия Анархии: уклонение от самосохранения

В «Политике утопии» Фредрик Джеймисон заметил, что главным препятствием для *утопического импульса*²⁶ является «террор разрушения», тень которого неотвратимо мелькает на полях любой утопии. Утопия сопряжена с беззаконием и террором (в том числе, как мы видели, террором в отношении Разума), от которых ее, кажется, необходимо очистить, иначе реализацией утопии станет полная аннигиляция закона (некантовский мир третьего типа). Поэтому, чтобы избавить ее от нигилизма, необходимо обнаружить призрачный, но узаконенный существующим порядком и безопасный *минимум* утопии, который сводится лишь к грубому требованию: *никто не должен голодать*. Однако в этом, казалось бы, справедливом и разделяемом всеми утопистами требовании содержится хитрость, блокирующая утопический импульс, *уловка самосохранения*: не *осмеливаясь* продвигаться через террор, утопия сохраняет и оправдывает — узаконивает, так как самосохранение возводится в ранг универсального закона, — существующий порядок вещей (то есть заканчивается как утопия). Обходя это препятствие, Джеймисон предлагает важную для нас «нулевую утопическую формулировку»:

Утопия характеризуется спадом этого мощного стремления к самосохранению, которое отныне становится излишним²⁷.

Вернемся к словам Горация и расположим утопию в сердцевине *aude*, обнаружив тем самым темный (в колористическом смысле) утопический импульс, лежащий в основе Просвещения. Этот сле-

26. Это понятие Джеймисон заимствует у Эрнста Блоха, который противопоставляет утопический импульс и утопический текст, считая, что последний является сужением и заземлением первого; более того, утопический импульс, разворачиваясь наиболее интенсивным образом в человеческом мире, в некотором смысле является «природным явлением», «свойством» незавершенной и открытой для изменения природы (см.: Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 49–78). Джеймисон, однако, не принимает «натурализации утопии» и придает утопическому импульсу более прерывисто-историчный и социальный характер: *Jameson F. Archaeologies of The Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fiction*. L.; N.Y.: Verso, 2005. P. 1–10.

27. *Idem*. The Politics of Utopia // New Left Review. 2004. № 25. P. 51.

пой, непросвещенный и непросвещаемый импульс — *audacia*, дерзость по ту сторону знания, но по сю сторону дикого, необузданного, несовершеннолетнего воображения. Просвещение не производит этот импульс, скорее пытается *совладать* с ним. Развернем его, не попадаясь на уловку самосохранения и двигаясь не от утопии к науке и дальше, к вне-науке, но оставаясь на поводу у этого импульса. Посмотрим, что получится.

Так мы оказываемся на исторической линии, которая традиционно (например, в марксизме) считалась утопической, — на линии анархии²⁸. Часто анархизм рассматривается как один из этапов разворачивания Просвещения (Малкольм Булл намечает его место в ряду: атеизм — анархизм — нигилизм²⁹). Это верно ровно настолько, насколько в формуле Просвещения анархизм ставит акцент на глагол *aude* («смей»), с вытекающими отсюда последствиями возможного свержения Разума с его трона и самоубийства Просвещения. Верно и то, что многие анархисты, стремясь разрушить все существующие институты, склонялись тем не менее перед авторитетом Разума и Науки (по поводу чего сокрушается Пол Фейерабенд, приводя в пример Петра Кропоткина³⁰), и то, что не меньшее число анархистов отправляют Разум в качестве законодателя в отставку. Поэтому мы назовем анархизм *другим* Просвещением (или Процветанием), утопическим Просвещением, Просвещением, *которого не было*.

Если, охватывая современный анархизм, мы прочертим извилистую историческую линию от идей Михаила Бакунина к идеям Пола Фейерабенда (и дальше, например к Бенджамину Нойсу³¹), то обнаружится движение внутри анархизма («анархия внутри анархизма»), утопический импульс и режим воображения, в которых происходит *распоясывание* как природных и социальных «непросвещенных масс» (в бакунинском бунте), так и самого разума (в ключевом положении эпистемологии Фейерабенда: *anything*

28. Говорит один современный марксист-ленинист, воспроизводящий в отношении анархизма просвещенческую логику обуздания: «Мне представляется, что анархизм уделяет недостаточное внимание политическим и экономическим механизмам и предлагает волюнтаристски избавиться от структур подавления. В конечном счете это неизменно приводит к тому, что они появляются снова, поскольку экономическая основа остается без изменений. Однако в целом противостояние механизмам угнетения не может не быть симпатичным, но все это, увы, носит утопический характер».

29. См.: Булл М. Анти-Ницше. М.: Дело, 2016.

30. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007. С. 302.

31. Noys B. Anarchy-Without-Anarchism // No Useless Leniency. 05.06.2009. URL: <http://leniency.blogspot.com/2009/06/anarchywithoutanarchism.html>.

goes). Стихия «бунтующего океана»³², распространяясь в наиболее «спекулятивных» фрагментах текстов Бакунина далеко за пределы человеческого³³, требует не понимания, не науки и не руководства, то есть не Просвещения, но практического доведения до конца, до террора разрушения. Любые попытки управлять стихией продиктованы метафизической презумпцией, согласно которой мысль предшествует жизни как закон. Отказ от этой презумпции открывает, что из природы произрастает не закон, но, напротив, восстание. Науки восстания не существует, ей Бакунин противопоставляет анонимную утопическую страсть, устройство которой двойственно: с одной стороны, это нигилистическая страсть разрушения, с другой — творческая страсть новизны. В отличие от научно-фантастических 3D-очков (см. выше), эта страсть не имеет в виду «вещи как они есть», но посвящена «безостановочному и безоглядному разрушению всего положительно установленного»³⁴ — и созданию того, что никак не укоренено в вещах. «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!»³⁵ Формула Просвещения в редакции Бакунина (и Фейерабенда — настолько, насколько вопрос касается знания) перестает укладываться в *sapere aude* и приобретает, скорее, вид *creare aude*, «смей творить» (разрушая, твори/творя, разрушай).

Режим воображения, соответствующий утопическому террору разрушения, в котором отменяется самосохранение Просвещения (и жизни), уже не может быть обозначен как научная или вне-научная фантастика (ни в одном из этих двух режимов мы не можем опознать анархизм), так как в нем «соглашение рационального деспотизма со свободным разумом» не играет никакой роли (оно попросту расторгается, а стороны, его заключившие, утрачивают данную им этим соглашением власть). Скорее даже исчезает сама правовая форма, в которой этой соглашению заключено. Придерживаясь формулы Просвещения, которую мы прорабатываем здесь, можно назвать этот режим *fictio audaciae*, фикцией дер-

32. См.: Бакунин М. А. Письмо С. Г. Нечаеву // Избр. тр. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 405.

33. Так, у Бакунина можно прочитать о «бунте материи» и о законах природы как о покорении этого бунта (Он же. Постановка революционных вопросов // Избр. тр. С. 236–255) или о просвещении и освобождении, состоящем в том, чтобы поднимать «на бунт окружающий мир» (Он же. Федерализм, социализм и антитеологизм // Он же. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 79).

34. Он же. Реакция в Германии (очерк француза) // Избр. тр. С. 64.

35. Там же. С 73.

зости (или, например, *разбоем воображения*, по терминологии одного недавнего анонимного мануала³⁶).

На исторической линии «между Бакуниным и Фейерабендом» есть по меньшей мере одно слепое пятно, где *fictio audaciae* была разработана и подробно описана. В 1910–1920-е годы подспудное движение «анархистского Просвещения» незаметно для многих современных историков анархизма достигло апогея (впоследствии, за редкими исключениями в лице Фейерабенда и некоторых представителей анархо-примитивизма, это движение встало на рельсы «классического Просвещения» и «жалкого дискурса „радикальной оппозиции“»³⁷). В это время существовало странное ультрарадикальное движение пананархизма, идейными вдохновителями которого были братья (Аба и Вольф) Гордины. Смысл радикализации Просвещения виделся им в движении от атеизма к афизизму, отрицанию природы (лозунг «Ни Бога, ни Природы!» украшал большую часть их произведений). Если сегодня Мейясу, шутливо объявляя это глупостью, которую в философии еще никто не решался защищать, разрабатывает тезис о контингентности законов природы, то братья Гордины, без шуток, отстаивали еще более странный тезис: ни природы, ни законов природы *никогда* не существовало, так как мир *несоотносителен* ни с какой (юридической, государственной, психологической или телесной) формой³⁸. Несоотносительный мир, находящийся по ту сторону «черной магии закона», техничен (техника здесь — имя чистой беззаконной изменчивости).

В технической утопии «Страна Анархия» (1919), где сама «страна» есть не что иное, как странный технический объект (природы и законов, ограничивающих технический произвол и управляющих им, не существует), есть описание чувствилищ, или «отделов» (зрительного, слухового, осязательного, также есть упоминание психического и физического), в которых воплощена главная фобия Канта: разрушение перцепции в результате отмены закона. Эти отделы представляют собой некантовские миры третьего типа, в которых воплощается сама логика создания новых миров: *ex nihilo*. В зрительном отделе уничтожена видимость, в слуховом

36. Руководство к разбою воображения // Pop-philosophy. URL: <http://pop-philosophy.net/manual-for-razboy>.

37. Noys B. Op. cit.

38. Бр. Гордины. Первый Центральный Социотехникум. Членская книжка. М.: Издание Первого Центрального Социотехникума, 1919. С. 9. См. также: Кучинов Е., Симакова М. Поэтика биокосмизма: вулканическое пламя, анабиотический лед // Транслит. 2018. № 21. С. 89–90; Кучинов Е. Русский Марс // Крот. URL: <https://krot.me/articles/mars-is-ours>.

ничего нельзя услышать, в осязательном происходит «полная потеря чувств», почти смерть, кажется, что «мир кругом уничтожил-ся, рухнул или что вас самих нет, не существует»³⁹, и т. д.

Мы исходим из того, что раньше разрушаем и потом создаем, ибо в разрушении дух созиданья⁴⁰.

Вхождение в эти отделы дает доступ к тому, о чем мечтает современная спекулятивная мысль: «подземные местности, где нет ни жизни, ни субъективности». Однако если для Мейясу ключевым для посещения этих местностей является вопрос (самосохранения) возвращения и рассказа, то в «Стране Анархии» этот вопрос не стоит, так как в ней нет точки начала, нет ἀρχή: возвращаться некуда, возвращать нечего — кроме разве что своих цепей.

Библиография

- Бакунин М. А. Письмо С. Г. Нечаеву // Избр. тр. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
- Бакунин М. А. Постановка революционных вопросов // Избр. тр. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 236–255.
- Бакунин М. А. Реакция в Германии (очерк француза) // Избр. тр. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
- Бакунин М. А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Он же. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989.
- Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 49–78.
- Богданов А. А. Новый мир (1904–1924) // Он же. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990.
- Бр. Гордины. Анархия в мечте. Страна Анархия (утопия-поэма). М.: Издание Первого Центрального Социотехникума, 1919.
- Бр. Гордины. Первый Центральный Социотехникум. Членская книжка. М.: Издание Первого Центрального Социотехникума, 1919.
- Булл М. Анти-Ницше. М.: Дело, 2016.
- Деррида Ж. Невоздержанное гегельянство // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994. С. 133–174.
- Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29–37.
- Куцинов Е. Русский Марс // Крот. URL: <http://krot.me/articles/mars-is-ours>.
- Куцинов Е., Симакова М. Поэтика биокосмизма: вулканическое пламя, анабиотический лед // Транслит. 2018. № 21.
- Мейясу К. Итерация, реитерация, повторение. Спекулятивный анализ знака, лишённого смысла // Транслит. 2017. № 19.

39. *Братья Гордины*. Страна Анархия (утопии) / Сост., подг. текста и прим. Е. Куцинова. М.: Common place, 2019. С. 194.

40. Там же. С. 166.

- Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.
- Негарестани Р. Инструментальная спектральность и катоптрические прения Мейясу // Сигма. 13.08.2018. URL: http://syg.ma/@eric_s/rieza-nieghariestani-instrumentalnaia-spiektralnost-i-katoptrichieskie-prienii-mieiiasu.
- Негарестани Р. Мертвая невеста // Сигма. 15.02.2016. URL: <http://syg.ma/@yana-volkova/rieza-nieghariestani-miortvaia-nieviesta>.
- Руководство к разбою воображения // Pop-philosophy. URL: <http://pop-philosophy.net/manual-for-razboy>.
- Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007.
- Фуко М. Что такое Просвещение? // Он же. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М.: Праксис, 2002.
- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв.: В 3 т. М.: Политиздат, 1979. Т. 3.
- Interview with Ken Macleod // Big Echo. № 7. Part II: Sinister Algebra. URL: <http://bigecho.org/ken-macleod>.
- Interview with Kim Stanley Robinson // Big Echo. № 7. Part II: Sinister Algebra. URL: <http://bigecho.org/kim-stanley-robinson>.
- Jameson F. Archaeologies of The Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fiction. L.; N.Y.: Verso, 2005.
- Jameson F. The Politics of Utopia // New Left Review. 2004. № 25. P. 8–17.
- Meillassoux Q. Métaphysique et fiction des mondes hors-science. P.: Aux forges de Vulcain, 2013.
- Meillassoux Q. Science Fiction and Extro-Science Fiction. Minneapolis: Univocal, 2015.
- Noys B. Anarchy-Without-Anarchism // No Useless Leniency. 05.06.2009. URL: <http://leniency.blogspot.com/2009/06/anarchywithoutanarchism.html>.

FICTIO AUDACIAE: BEYOND THE SELF-PRESERVATION OF THE ENLIGHTENMENT

EUGENE KUCHINOV. Associate Professor, Faculty of Humanities,
pph.pop.philosophy@gmail.com.
Minin University (NSPU), 1 Ulyanov St., 603002 Nizhny Novgorod, Russia.

Keywords: Enlightenment; imagination; science fiction; anarchism; the Gordin Brothers; utopian impulse.

The article is devoted to tracing out the operations of the Enlightenment's self-preservation mechanism in the realm of imagination and to a search for ways to problematize that mechanism. The Enlightenment blocks imagination by subordinating it to self-preservation, which cloaks the utopian impulse. This cloaking is found in both science fiction and extro-science fiction (Quentin Meillassoux's term). Extro-science fiction reveals the limits of self-preservation and self-restraint placed on the Enlightenment: an agreement to a rational despotism of knowledge liberated from nature (and from its laws). What remains outside the area accessible to the enlightened imagination may be referred to as "non-Kantian worlds of the third type." Access to these worlds is closed, as the main issue for the enlightened imagination remains the infernological question of return and narration. This limitation pre-determines the instrumentalization of the non-Kantian worlds of the third type, which become the means of supporting life and knowledge.

Fictio Audaciae is a regime of imagination that has not been produced by the Enlightenment, but from which the Enlightenment derives its energy, while struggling always to keep it under control. However, the mechanism of self-preservation is vanquished by a utopian anarchism in which the imagination gains access to the non-Kantian worlds of the third type by means of the "terror of obliteration." According to Fredric Jameson, the terror of obliteration circumvents self-preservation. Nature understood as rebellion and reason that has abandoned the pursuit of self-preservation converge in the Gordin Brothers' world of "noncorrelation" in which the key role belongs to anarchic technology rather than to the "magic of the Enlightenment." The Gordin Brothers' utopian *Anarchy Land* is neither science fiction nor extro-scientific fiction, but a techno-fiction in which the laws of nature are not even contingent but have been declared never to have existed. This non-existence is explained by the principle of noncorrelation (nature as a set of laws does not exist, laws and the world are not correlated). Based on the principle of noncorrelation and guided by the utopian impulse (*Fictio Audaciae*), the Gordin Brothers not only postulate the existence of non-Kantian worlds of the third type, but also offer a utopian description of them.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-4-109-125

References

- Bakunin M. Federalizm, sotsializm i antiteologizm [Federalism, Socialism, Anti-Theologism]. *Filosofia. Sotsiologiya. Politika* [Philosophy. Sociology. Politics], Moscow, Pravda, 1989.
- Bakunin M. Pis'mo S. G. Nechaevu [Letter to S. G. Nechaev]. *Izbr. tr.* [Selected Works], Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 2010.
- Bakunin M. Postanovka revoliutsionnykh voprosov [Posing the Revolutionary Questions]. *Izbr. tr.* [Selected Works], Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 2010, pp. 236–255.

- Bakunin M. Reaktsiia v Germanii (o cherk frantsuza) [Reaction in Germany. A Fragment of Frenchman]. *Izbr. tr.* [Selected Works], Moscow, Rossiiskaia politicheskaya entsiklopediia, 2010.
- Bloch E. Printsip nadezhdy [Das Prinzip Hoffnung]. *Utopiia i utopicheskoe myshlenie: antologiiia zarubezhnoi literatury* [Utopia and Utopian Thinking: Anthology of Foreign Literature], Moscow, Progress, 1991, pp. 49–78.
- Bogdanov A. Novyi mir (1904–1924) [New World (1904–1924)]. *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let* [Questions of Socialism: Works of Various Years], Moscow, Politizdat, 1990.
- Brothers Gordin. *Anarkhiia v mechte. Strana Anarkhiia (utopiia-poema)* [Anarchy in Dream. The Country Called Anarchy (Poem-Utopia)], Moscow, Izdanie Pervogo Tsentral'nogo Sotsiotehnikuma, 1919.
- Brothers Gordin. *Pervyi Tsentral'nyi Sotsiotehnikum. Chlenskaia knizhka* [First Central Sociotechnical College. Membership Card], Moscow, Izdanie Pervogo Tsentral'nogo Sotsiotehnikuma, 1919.
- Bull M. *Anti-Nitshe* [Anti-Nietzsche], Moscow, Delo, 2016.
- Derrida J. Nevozderzhannoe gegel'ianstvo [Un hegelianisme sans reserve]. *Tanatografiia Erosa: Zhorzh Batai i frantsuzskaia mysl' serediny XX veka* [Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought of Mid-Twentieth Century], Saint Petersburg, Mifril, 1994, pp. 133–174.
- Engels F. Razvitie sotsializma ot utopii k nauke [Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft]. In: Marx K., Engels F. *Izbr. proizv.: V 3 t.* [Selected Works: In 3 vols], Moscow, Politizdat, 1979, vol. 3.
- Feyerabend P. *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniia* [Against Method. Outline of an Anarchist Theory of Knowledge], Moscow, AST, 2007.
- Foucault M. Chto takoe Prosveshchenie? [Qu'est-ce que les Lumières?]. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniia i interv'iu. Ch. 1* [Intellectuals and Powers: Selected Political Papers, Speeches and Interviews], Moscow, Praksis, 2002.
- Interview with Ken Macleod. *Big Echo*, no. 7, pt. II: Sinister Algebra. Available at: <http://bigecho.org/ken-macleod>.
- Interview with Kim Stanley Robinson. *Big Echo*, no. 7, pt. II: Sinister Algebra. Available at: <http://bigecho.org/kim-stanley-robinson>.
- Jameson F. *Archaeologies of The Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fiction*, London, New York, Verso, 2005.
- Jameson F. The Politics of Utopia. *New Left Review*, 2004, no. 25, pp. 8–17.
- Kant I. Otvet na vopros: chto takoe prosveshchenie? [Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?]. *Soch.: V 8 t.* [Works: In 8 vols], Moscow, Choro, 1994, vol. 8, pp. 29–37.
- Kuchinov E. Russkii Mars [Russian Mars]. *Krot* [Mole]. Available at: <http://krot.me/articles/mars-is-ours>.
- Kuchinov E., Simakova M. Poetika biokosmizma: vulkanicheskoe plamia, anabioticheskiy led [Poetics of Biocosmism: Volcanic Fire, Anabiotic Ice]. *Translit*, 2018, no. 21.
- Meillassoux Q. Iteratsiia, reiteratsiia, povtorenie. Spekuliativnyi analiz znaka, lishennogo smysla [Iteration, Reiteration, Repetition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign]. *Translit*, 2017, no. 19.
- Meillassoux Q. *Métaphysique et fiction des mondes hors-science*, Paris, Aux forges de Vulcain, 2013.

- Meillassoux Q. *Posle konechnosti. Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence], Yekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi, 2015.
- Meillassoux Q. *Science Fiction and Extro-Science Fiction*, Minneapolis, Univocal, 2015.
- Negarestani R. Instrumental'naia spektral'nost' i katoptricheskie preniia Meiasu [Instrumental Spectrality and Meillassoux's Catoptric Controversies]. *Sygma*, August 13, 2018. Available at: http://syg.ma/@eric_s/rieza-nieghariestani-instrumentalnaia-spiektralnost-i-katoptricheskie-prienii-mieiiasu.
- Negarestani R. Mertvaia nevesta [The Corpse Bride]. *Sygma*, February 15, 2016. Available at: <http://syg.ma/@yana-volkova/rieza-nieghariestani-miortvaia-nieviesta>.
- Noys B. Anarchy-Without-Anarchism. *No Useless Leniency*, June 5, 2009. Available at: <http://leniency.blogspot.com/2009/06/anarchywithoutanarchism.html>.
- Rukovodstvo k razboiu voobrazheniia [Manual for Imagination Robbery]. *Pop-philosophy*. Available at: <http://pop-philosophy.net/manual-for-razboy>.